18+

ОДА САКУНОСКЭ

ЛИТЕРАТУРА В ГРЯЗНЫХ БОТИНКАХ

СБОРНИК СТАТЕЙ И ЭССЕ

Ода Сакуноскэ

Литература в грязных ботинках. Сборник статей и эссе

https://litres.ru/71893882
ISBN 9785006591646

Аннотация

Ода Сакуноскэ (1913–1947) — культовый японский писатель и бунтарь, чьи работы взорвали литературную сцену послевоенной Японии. В этом сборнике собраны его самые яркие публицистические тексты: острые эссе, литературные манифесты и беспощадные разборы современной ему литературы.

Содержание

Предисловие составителя 5
Мои литературные искания 7
Мой метод чтения 11
До и после капитуляции 15
Моя литература 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Литература в грязных ботинках
Сборник статей и эссе

Ода Сакуноскэ

Редактор Павел Соколов
Переводчик Павел Соколов

© Ода Сакуноскэ, 2026
© Павел Соколов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0065-9164-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие составителя

Ода Сакуноскэ (26 октября 1913 — 10 января 1947) — один из самых парадоксальных и непримиримых голосов японской литературы XX века. Его тексты — это взрывчатая смесь откровенного натурализма, язвительной критики общества и почти исповедальной отчаянности. Наряду с Дадзаем Осаму, Сакагути Анго, Исикавой Дзюном и другими авторами представляет послевоенную декадентскую школу Бурайха. Ода не искал компромиссов с читателем или издателями и писал так, словно каждое слово могло стать последним.

Эта книга собрала лучшие публицистические работы Ода Сакуноскэ — эссе, литературные манифесты, полемические заметки и размышления о судьбе писателя в эпоху социальных потрясений. Здесь нет академической сдержанности или попыток угодить вкусам публики. Вместо этого — резкие, порой провокационные суждения, беспощадный анализ современной ему литературы и отчаянная попытка найти смысл в творчестве, когда вокруг — разруха и кризис ценностей. Ода не верил в «взросление» литературы, высмеивал попытки писателей казаться мудрецами и утверждал, что настоящий автор должен оставаться «ребенком и демоном» одновременно. Его критика коллег не просто полемика, а спор

о самой сути литературы: должна ли она быть «судьбой» или всего лишь ремеслом?

Особое место в этом сборнике занимают размышления автора о природе творчества. Он признается, что был одержим поиском нового стиля, который взорвал бы привычные рамки. Его тексты — это постоянный эксперимент, балансирование между натуралистической «правдой жизни» и жесткой, почти циничной писательской волей. Сегодня, спустя десятилетия после его ранней смерти, проза и публицистика Ода Сакуноскэ звучат удивительно современно. Его неприятие лицемерия, отказ следовать канонам и готовность говорить неудобные вещи делают его фигуру важной не только для японской, но и для мировой литературы.

Эта книга — не просто собрание статей. Это манифест писателя, который верил, что литература стоит того, чтобы сгорать ради нее.

Я надеюсь, что издатели и переводчики обратят внимание на его творчество, которое относительно недавно перешло в общественное достояние и у нас, и в Японии. Первые его переложения на русский уже есть.

Павел Соколов

Мои литературные искания

По-настоящему изучать прозу я начал только в двадцать шесть лет. До этого всецело посвящал себя драматургии — к романам и рассказам почти не притрагивался. Помимо Достоевского, Жида и Кэйдзи, даже не знал толком, какие произведения выходят в ежемесячных литературных журналах. Зато пьесы читал запоем — правда, с педантичностью учёного, словно единственной целью было вывести теорию «чистой драмы». Сейчас вспоминаю это с улыбкой: какой же я был странный теоретик! По моим тогдашним меркам, романы казались бесформенными и даже неприличными.

В старших классах (я учился в Третьей высшей школе Киото) моими наставниками стали профессора Ямамото Сюдзи и Ибуки Такэхико, знатоки театра. Мы устраивали читки пьес, кривлялись — неудивительно, что меня потянуло к сцене. Хотя, если вспомнить, ещё в средней школе я сочинил пьесу о странствующих актёрах и был за неё отчитан. Даже в пятом классе писал сочинения в форме диалогов, вставляя слова «девушка» или «возлюбленная», которые учитель исправлял на старомодные «оная особа» и «оная девица».

Из драматургов обожал Чехова, Луначарского, Порто-Ришa, Вильдрака, Кунио Кисиду — но в то же время дружил с

поэтом Сирасаки Рэйдзо, жившим со мной в одном пансионе. Под его влиянием увлёкся Рембо, Валери и Малларме — и писал пьесы в их духе. Получалось нечто весьма странное. С девятнадцати до двадцати пяти создал четыре пьесы, две из которых опубликовал в студенческом журнале. Они остались незамеченными.

В двадцать шесть, бродя по Хонго (так и не поступив в университет), я прочёл «Красное и чёрное» Стендаля — и внезапно взялся за прозу. Мой стиль впитал манеру Стендаля, Кавабаты, Сатоми, Уно и Такии. В том же году написал два рассказа для того же студенческого журнала: второй — «Дождь» — заметили, а третья вещь, «Вульгарность», попала в список претендентов на премию Акутагавы по рекомендации Мурoo Сайсэя. Четвёртая новелла, «Скитания», благодаря Нагаи Тацуо вышла в «Бунгакукай», а пятая, «Супружеские радости», удостоилась литературной премии.

«Эх, начал бы раньше!» — с досадой подумал я. Восемь лет потратил на пьесы и теорию «чистой драмы», когда мог изучать прозу. Хотя эти годы не прошли даром: неудачи в драматургии (я пытался подогнать тексты под схоластические теории) научили меня избегать заранее придуманных канонов. Кроме того, устав от диалогов, я свел их к минимуму в прозе, вплетая реплики в повествование — как в театре бунраку, где слова сливаются с текстом сказителя. Ещё

один урок: пьеса жёстко ограничена временем (сцена = 30—60 минут), поэтому в прозе я стремился к лаконичности, как в хрониках — уже в «Дожде» это проявилось.

До «Супружеских радостей» я не был знаком ни с одним писателем лично — ничьих советов не просил. Заочными учителями стали Стендаль, Ален и литературная критика Кобаяси Хидэо (его эссе о Рембо я зачитывал до дыр).

С Сайкаку я познакомился поздно — уже после выхода «Супружеских радостей». Когда один читатель отметил сходство моего стиля с его манерой, я, хоть и задумывал когда-то «подражание» «Жизни любовника», удивился и обрадовался. Тут же набросился на книги Сайкаку — и признал его (вслед за Стендалем) своим учителем. Позже я перевёл «Дитя мира сего» на современный язык, а в прошлом году, несмотря на болезнь, написал «Новое прочтение Сайкаку».

Мой ключ к Сайкаку: «У него был взгляд реалиста, но рука — нет». Для меня он — воплощение духа Осаки (хотя я расширяю это понятие: Стендаль и Ален для меня тоже «осакцы»). Осака — не просто город, не мир долга и денег, каким его рисуют. И уж точно не карикатура в стиле Энтэцу и Атяко!

Так выходит, мои литературные искания — это поиск Осаки. Мой родной город и есть мой учитель. Ещё два авто-

ра не дают мне покоя: Масамунэ Хакутё и Утида Хяккэн. Их тексты пугают меня — в отличие от Кавабаты или Дадзая, чьи приёмы я понимаю. Из виртуозов восхищаюсь Такэдой Ринтаро (его мастерство лишено вычурности). Жду его возвращения с фронта — мечтаю встретиться в Токио. А вот Муро Сайсэй… преклоняюсь перед ним, но боимся даже подойти.

Из уже знакомых писателей — Фудзисава, Такэда, Кумэ, Катаока, Такии, Сатоми. Недавно встретил Иноуэ Томоитиро — его осимский говор согрел душу.

С момента моего «прозрения» прошло всего четыре года. Впереди — десятилетие, если здоровье позволит дожить до возраста Сайкаку. Думаю, литература спасла мне жизнь: несмотря на болезни и жёсткую критику, я пишу — и потому держусь.

Недавно друг спросил: «Ты бросил основное ремесло?» (он считает прозу моим побочным занятием). «Нет, ещё пьесы напишу», — ответил я. В прошлом году даже поставил любительский спектакль — получилось неплохо.

Столько всего впереди — как тут умирать?

1943 год

Мой метод чтения

Моё зрение идеально. Я благодарен за этот дар — и даже немного испытываю тщеславие по этому поводу.

А разве тщеславие не бывает разным? Без него человеку, пожалуй, и жить тоскливо. Даже крохотная гордыня — словно соринка, извлечённая ушной палочкой, — становится опорой среди житейских волн. Неужели лишь мелкие людишки тщеславны? Или только глупцы с ущербной душой? Вряд ли. Вот писатель издаёт собрание сочинений и пишет послесловие. Как бы он ни клянчил прощения, раз уж книга вышла — без доли самолюбования не обошлось. Можно твердить: «Как стыдно!» или оправдываться: «Издатель сам вырвал рукопись!» — но факт остаётся фактом. Если бы стыд был искренним, совесть не позволила бы печататься. Даже те, кто клянётся: «Писал не для публики!» — всё равно публикуются. А сколько авторов завещали не издавать свои труды посмертно?

Знаю, скромность — добродетель. Но сладость тщеславия сильнее — увы, удел мелких душ. Язвительный Ларошфуко наверняка сказал бы, что и скромность рождается из гордыни. Я, конечно, тоже грешен. Хотя бывают моменты, когда тщеславие испаряется — будто очки, сорванные с носа в толпе. Тогда остаётся полагаться только на зрение. К счастью,

моё — отменное, и гордость быстро возвращается.

Вот моя теория: Мори Огай, Сига Наоя, Акутагава Рюноскэ, Ёкомицу Риити, Кавабата Ясунари, Кобаяси Хидэо — все эти гении не носили очков. А те, кто носил… Ну, вы поняли. *Я* не ношу — вот и повод для гордости.

Далее: Огай и Акутагава были ненасытными читателями. Говорят, книги портят зрение — не читай в метро, при тусклом свете, мелкий шрифт вреден (недавно «Иванами бунко» увеличила кегль). Но эти двое глотали книги где угодно, не разбирая шрифтов (хотя Огай печатал свои труды крупнее для старушки матери), и — что удивительно — не стали близорукими. Видно, крепкие от природы глаза — признак крепкого ума. Один врач утверждал, что 80% неврозов связаны с дефектами зрения. Я, конечно, подхватил эту теорию и вместе с таким же зорким, как я, Сугияма Хэйити, доказывал её нашим очкастым друзьям — к их досаде.

Чушь, конечно. Не все зрячие — гении, и не все безочковые писатели — таланты. Да и читатели без очков не обязательно лучшие. Моё зрение действительно острое: я запросто различаю знакомых в окне мчащегося поезда или в толпе. Рост помогает, но дело именно в глазах. Однако я не считаю себя ни умником, ни талантом. Моя «теория очков» — лишь жалкая попытка утешения. В чтении я особенно неуверен. Как Огай и Акутагава успевали столько прочесть?

Где брали время? Как усваивали прочитанное? Хотел бы я знать их секрет. Поэтому заголовок «Мой метод чтения» меня слегка смущает.

Говорят, Огай никогда не позволял себе валяться при детях — наверное, и читал, сидя строго прямо. Я же, к стыду своему, не могу читать иначе как лёжа — хоть ночью, хоть днём. Никаких пометок карандашом или выписок: это лишило бы половины удовольствия. Да, я читаю ради удовольствия, а не учёбы. После Огая мне не нужно лезть в критику — достаточно насладиться самим текстом. Книги, из которых легко выудить «выводы», меня не радуют. Я ищу те, чей стиль опьяняет, как музыка. Эссе Алена и Масамунэ Хакутё не надоедают именно из-за стиля — их не разжуёшь за раз. Их нужно перечитывать — и в этом кайф.

Мой единственный метод: перечитывать. И окружать себя книгами, которые хочется открывать вновь.

В школе один профессор сказал: «Сто страниц „Анны Карениной“ обогатят вас больше, чем пятьдесят лет бедного опыта». Я запомнил это, но в двадцать два года, прочтя роман, получил лишь удовольствие — ни мудрости, ни ощущения «обогащения». Видно, был слишком молод. Классику, прочитанную в юности, нужно перечитывать. Если вам лень — зачем вообще брались? Японскую классику нам портили учителя, твердившие о «возрождении старины». Как плохой

исполнитель губит прекрасную музыку.

Хотя перечитывать можно не всё — некоторые книги недоступны. Я не стану колесить за ними на край света. Пусть даже там скрыты великие мысли — не встретимся, так не встретимся. Как с несостоявшейся любовью: не познакомились — и ладно. Жалуются, что новые книги трудно достать. Но разве так уж много тех, без которых жизнь неполна? Та, о которой лишь слышал, на деле может разочаровать.

1943 год

До и после капитуляции

От уличных гадалок до Иисуса Христа — прорицателей в мире немало. Но настоящих пророков-фанатиков, одержимых предсказаниями, единицы. В Японии, пожалуй, лишь Умэцугу Дэгути из секты Оомото-кё мог претендовать на это звание.

Жизнь Дэгути неотделима от его бесчисленных пророчеств. Казалось бы, даже такому одержимому в тюрьме было бы не до предсказаний. Но «старая сорока не разучится плясать»: во время допроса он заявил следователю:

— 20 августа 1945 года мир потрясёт великий переворот. Для Японии это будет событие невиданного масштаба.

Следователь, разумеется, лишь отругал его.

Я не склонен верить пророкам, но, услышав эту историю в июне, почему-то загорелся ожиданием «20 августа».

Июнь 1945-го — месяц второго крупного авианалёта на Осаку. К тому времени лишь слабоумные ещё верили в «победу Японии». Правительство и газеты твердили о ней, но это походило на бред идиотов или ложь циников.

Большинство граждан уже не просто устало от войны — они её ненавидели. Июнь, июль, август — три месяца ада, о которых страшно вспоминать. Мы отчаянно жаждали мира через переговоры. Но когда? «20 августа» стало для меня соломинкой утопающего — или днём освобождения, который заключённый отсчитывает на пальцах.

Когда я делился этим с другими, люди отвечали:

— Что-то хорошее 20 августа? Хм… В этот же день объявляют результаты лотереи военных займов.

Но, произнося это, все невольно начинали ждать «того самого дня». И неудивительно: если слова правительства и прессы стали пустым звуком, кому верить, кроме как сомнительным пророчествам узника?

Когда атомная бомба упала на Хиросиму, власти и подконтрольные СМИ заявили: «Новая бомба не страшна». И доверчивые жители Нагасаки, не дожив до 20 августа, погибли вслед за хиросимцами.

Вслед за бомбой пришло известие о вступлении СССР в войну. Тут я вспомнил о сёги: опытный игрок не доводит партию до жалкого мата. Видя безвыходность, он благородно

признаёт поражение.

— Похоже, Японии тоже пора сдаться, — подумал я.

Оставалось ждать десять дней — до 20 августа. Но дожить до них будет непросто…

Однако война закончилась 15 августа. Утром к нам пришёл глава соседской группы «добровольцев»:

— Сегодня тренировка. Явка всех членов семей обязательна!

— Что будем делать?

— Учиться строиться, отдавать честь, потом лекция.

— Я не приду. Не хочу тратить последние драгоценные часы жизни на муштру и глупые речи. Чёткий строй не остановит атомную бомбу, а лекции лишь отупляют. Мне не хочется умирать идиотом.

Глава обозвал меня «непатриотом» и ушёл в ярости. Вскоре после этого соседи сообщили: «В полдень будет важное сообщение».

Священный голос императора из-за плохой записи было трудно разобрать. Но когда диктор повторил новость, я понял:

— Война окончена!

Дэгути ошибся всего на пять дней. Интересно, считал ли он своё пророчество сбывшимся? Хотел бы я узнать.

Я навестил знакомого.

— Страшные времена, но хотя бы остались живы, — сказал он.

Действительно, военные собирались уничтожить всех. И только милосердие императора спасло народ.

Пока мы беседовали, за окном дети запели:

— *«…Это заслуга солдат!»*

— Какой циничный мотив. Да, именно «заслуга» солдат…

На улицах по-прежнему висели плакаты: *«Сто миллионов — в спецотряды камикадзе!»*, *«Священная земля непобедима!»*, *«Копим на победу!»* Мне вспомнились агитационные

щиты проигравших кандидатов, которые остаются после выборов — та же горечь абсурда.

Любящее лозунги правительство через пару дней выдало новый: *«Сто миллионов — покайтесь!»* Конечно, каждый должен раскаяться. Но прежде чем требовать этого от народа, пусть покаются военные, чиновники, бизнесмены и учителя. Звучало же это как приказ.

После капитуляции я с интересом наблюдал, как газеты меняют тон, словно актёры в ревю. Хотя даже они не осмелились кого-либо назвать «предателями». Но я представлял, как многие истинные *«позоры нации»* теперь прячутся за лозунгом *«всеобщего покаяния»*, и мне становилось тошно.

Было неприятно видеть, как парламентарии, сами виновные в войне, нападают на «три клики» — военщину, бюрократов и капиталистов. Ещё отвратительнее — журналисты, ещё вчера писавшие ура-патриотические статьи, теперь размахивали флагами «либерализма» без тени стыда.

Но нас больше не обмануть. Пока наш разум не отупел от войны, мы не купимся на этот фальшивый «либерализм» беспринципных ренегатов. Пусть «перековавшиеся» ультраправые молчат — это мы запомним крепко.

После войны «культура» стала новым паролем. Старые

объединения распадались, в Осаке возникали новые. Но если во главе стоят губернаторы-бюрократы — какая уж тут «культура»? Куда ни глянь — одна горечь.

Ноябрь 1945 года

Моя литература

«Моя литература» — так озаглавил редактор. Подобные тексты легко скатываются либо в досадное самооправдание, либо в уничижительную скромность, либо в высокомерные декларации. Непринуждённо говорить о своём творчестве — трудно. Но литература, в сущности, и есть самооправдание и самоутверждение. А защищать себя — значит утверждать. Мои работы сейчас в водовороте хвалы и хулы. Похвала радует, критика огорчает — но лишь на первый взгляд.

Потому что и брань, и лесть всегда основаны на недоразумении. Впрочем, писатель — это муха, запутавшаяся в паутине заблуждений.

Из всех услышанных филиппик сильнее всего меня поразили слова Ибуки Такэхико: «Слушай, Ода, скажу тебе одну вещь: перестань подражать самому себе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.